

ГЕОГРАФИЯ АКТРИСЫ

ГЛУБОЙ экран заполнило женское лицо. Актриса средних лет с крупными темными глазами читала знакомый рассказ о русской эмигрантке, выросшей во Франции и повстречавшейся там с нашей делегацией.

Телевизионное чтение не находит во мне своего приверженца. Мне думается, очень велики потери в общении между чтением и зрителем. На этот раз все было «как в жизни». Нет экрана, нет телевизора, а есть человек, твой собеседник. Пока шел текст от автора, передо мной сидел очевидец и с грустью рассказывал о горечи человеческого одиночества. Но вот пошел монолог эмигрантки, и все изменилось. Расстояние между рассказчиком и слушателем стало далекой и близкой дистанцией между актрисой и зрителем. И при этом, что в особенности тронуло меня, рассказчик не исчез бесследно, ибо за тревожным, взволнованным монологом актрисы все время ощущалось ее актерское и человеческое отношение к своей героине.

«...Читала актриса Корсунская...» — произнес голос диктора.

— Читает актриса Корсунская.

Вслед за этими словами на сцену вышла молодая женщина в пышном вечернем платье и, оглядев бойцов...

Нет. Конечно, все было не совсем так. Там, на фронте. Во-первых, актрису Корсунскую никто не объявлял, потому что в Шестой танковой армии все бойцы прекрасно знали всех тринадцать артистов армейского ансамбля. Знали по фамилии и в лицо. Во-вторых, сцены не было, а были борта машины, уложенные на две подводы. В-третьих, не было вечерних туалетов, а была усталая женщина в военном форменном платье, которая не столько читала бойцам о дальнем и неизведанном, сколько рассказывала словами поэта или писателя о том, что пережила сама.

А потом артисты надевали шинели или ватники, а поверх них — автоматы, из которых им случалось и стрелять.

...В тот июньский день Мария готовилась к первому государственному экзамену в Киевском театральном институте. До двух часов ночи не отрывалась от конспектов, да так и заснула с ними. И потом, в трамвае, уткнувшись в конспекты, ничего вокруг не замечая. Только в общежитии от девчонок услышала слово «война»... И все не верила, что это надоело. Сдали экзамены. Думала: «Через неделю-другую разобью наши фашистов...»

Мария Корсунская стала солдатом стрелковой дивизии. Ей пришлось и стучать на машинке в штабе, и носить поварской колпак, и перевязывать раненых...

А потом над ней колдовали врачи. Ее комиссовали по болезни, и Мария уехала в Москву, где стала актрисой Московского драмтеатра на Полянке, который сколотил из оставшихся в столице актеров Н. М. Горчаков. Там играли В. Серова, Р. Плятт, Д. Орлов... Они работали в помещении нынешнего театра имени Маяковского. Потом вернулся Охлопков с коллективом, и Горчаков ушел в Театр сатиры, куда взял с собой четырех актеров, в числе которых оказалась и Корсунская.

А потом... Потом исполнилось то, о чем думала она не переставая: ей удалось вернуться на фронт, только уже в качестве актрисы. Случайная встреча на московской улице с работником политагитдела армии, с которым воевали вместе в начале войны, возникшая у Марии идея создания ансамбля, подержанная фронтовиком, и вот — она в ансамбле, на фронте...

Восемь фронтовых благодарностей получила она за отвагу, мужество, проявленные в боях за взятие Будапешта, за овладение городами Секешфехервар, Мор, Зирес, при форсировании Раба-реки. И еще много городов, рек, населенных пунктов составляют военную географию Марии Корсунской. Об этой географии можно частично судить по некоторым ее боевым наградам — медалям: «За Победу над Германией», «За Победу над Японией», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги»...

Эта, военная, география в сорок шестом уступила место географии мирной...

...Несколько лет назад в Новокузнецком театре состоялась премьера необычного спектакля «Лучше останься мертвым» (по пьесе К. Виттлингера), где

Корсунская сыграла восемь (!) ролей. Вот строчки из рецензии на этот спектакль в областной газете: «Перед нами то робкая, честная медицинская сестра, то сломленная жизненными невзгодами Кетхен, то добрая и словоохотливая церковная служанка, то всемогущая и циничная миллионерша, то девица, опустившаяся «на дно» и все же не утратившая совести... И в каждой роли М. Корсунская радуется непохожести, неповторимости...»

Во Львове был поставлен спектакль по пьесе А. Штейна «Океан». В этой пьесе есть персонаж — девятнадцатилетняя Лелька. А у Лельки монолог, который занимает едва ли не три страницы текста. Монолог этот во многих театрах сокращали, — уж больно долг... Марии Корсунской режиссер разрешил произносить монолог без сокращений. И зал слушал. И в зале была тишина.

В один и тот же сезон Корсунская сыграла девятнадцатилетнюю Лельку и... восьмидесятилетнюю старуху-сенаторшу («Юстина»).

Недавно после спектакля «Валентин и Валентина» я разговаривал с работниками культуры из Кушвы, взволнованными тем, что видели они на сцене. И одно из самых ярких эмоциональных впечатлений оставила у них игра М. Д. Корсунской в роли матери Валентины. Они говорили: «Как здорово! Я сама — мать взрослой дочери, я прямо вместе с ней переживала!»

Я тоже впервые увидел актрису в этой роли на гастролях свердловского театра в Воронеже. Помнится, тогда еще подумал: «С какой хорошей жадностью работает эта актриса, сколько у нее самоотдачи!»

Теперь, мне думается, я могу сказать, откуда эта жадность.

Человек, прошедший войну, должен жить по-хорошему жално, полнокровно, должен тратить себя на добро, на работу, потому что дорогой ценой заплачено за право так жить и работать.

И киевский трамвайчик июня сорок первого, и фронтовая сцена на подводах, и крохотный пятачок перед телевизионной камерой — все это составляет одну большую географию актрисы Марии Корсунской.

Э. ВЕРИГО,

зав. литературной частью
Свердловского драмтеатра.

На снимке: М. Д. КОРСУНСКАЯ.

История Свердловского драмтеатра

7
МАР 1973